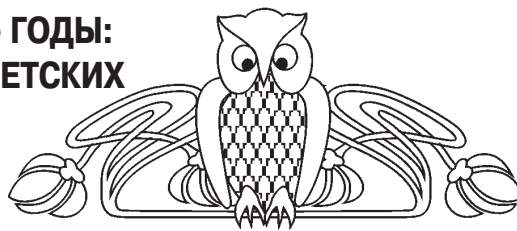

УДК [94+271,2](470,44)|1929/1939]

БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ НА МЕСТАХ В 1930-е ГОДЫ: К ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНИИ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ ФУНКЦИОНЕРОВ НИЗОВОГО ЗВЕНА И РЯДОВЫХ ВЕРУЮЩИХ

Ж. В. Яковлева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: jgv1972@yandex.ru

В статье анализируются взаимоотношения партийно-советских функционеров низового звена и рядовых верующих, связанные с изъятием у церкви храмов в период антирелигиозной кампании 1930-х годов. Реконструированы модели поведения участников отношений, объясняются причины довольно легкой победы над верующими.

Ключевые слова: церковь, верующие, закрытие церквей, изъятие церковных зданий, религиозные общества, жалобы, прошения верующих.

Fighting Church on the Site in 1930: on the Behavior of the Party and Soviet Functionaries of the Grass-roots Level Managers and Ordinary Believers

Z. V. Jakovleva

The article analyzes the relationship between the party and the grass-roots level Soviet functionaries and ordinary believers associated with the withdrawal from the church temples during the anti-religious campaign of the 1930s. Reconstructed model of behavior of participants of relations, explains the reasons for relatively easy win over the believers.

Key words: church, believers, closing churches, confiscation of church buildings, religious societies, complaints, petitions believers.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-99-103

13 апреля 1928 г. в условиях обострения взаимоотношений власти и деревни, вызванного затруднениями в хлебозаготовках, И. В. Сталин выступил на собрании актива Московской организации ВКП (б) с речью, в которой поднял вопрос о колхозном строительстве – переходе от единоличного хозяйства к коллективному. Прозвучали в его речи и слова о необходимости вести широкую антирелигиозную кампанию так, чтобы она была поддержана массами¹. Речь Сталина стала сигналом к подготовке нового наступления на церковь и верующих в СССР, которое получило активное развитие в Саратовском Поволжье.

Далее последовало циркулярное письмо ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», утвержденное ЦК ВКП (б) 24 января 1929 г. и подписанное секретарем ЦК Л. М. Кагановичем. В письме заявлялось, что «религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организа-

цией, имеющей влияние на массы»². Следом, 8 апреля 1929 г., ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях»³, которое резко ухудшило положение церкви в Советском государстве и поставило ее в полную зависимость от власти и ее целей.

Целью власти было окончательное уничтожение конкурирующей идеологии, замена религиозного мировосприятия советским мировоззрением. Большевикам это удалось: фактически они создали новую религию и новых богов. Парадокс состоит в том, что помогли им в этом нередко и сами верующие. Прежде всего, отмеченное относится к Русской православной церкви. Священник Александр Ельчанинов сказал по этому поводу: «Равнодушие верующих – вещь гораздо более ужасная, чем тот факт, что существуют неверующие»⁴.

В его словах содержится косвенное признание того, что коммунистическое мировоззрение на местах насаждалось не только репрессиями и давлением. Почему верующие порой добровольно отказывались от своих храмов и веры? Только ли равнодушием верующих можно объяснить все происшедшее? Представляется, что корни неверия нужно искать глубже. Ко времени прихода большевиков к власти сложилась благоприятная обстановка для осуществления их антирелигиозных планов. Церковь постепенно растеряла свой авторитет, поскольку со времен Петра I являлась частью государственного аппарата. Она все хуже и хуже выполняла функции духовного ориентира, перестала бороться за «душу» каждого человека, заменив эту работу административно-командными методами управления верующими. Для усиления своего влияния церковь нуждалась в обновлении, но этого не происходило. Поэтому большевики, заменив религиозное мировоззрение на коммунистическое, веру в Бога верой в коммунизм, по сути дела, предложили верующим новую религию, для многих из которых, особенно для молодежи, она стала даже привлекательнее старой.

Религиозные объединения еще с 1918 г. не являлись субъектами права, не могли обращаться в суд за защитой своих прав. Церковные здания и другое имущество религиозных общин еще в 1918 г. были национализированы и объявлены общенародной собственностью, т. е. принадлежали государству. Новый документ конкретизировал старые решения: «Сделки, связанные с управлением и использованием культовым имуществом, как-

то: договоры о найме сторожей, о поставке дров, ремонте молитвенного здания и имущества культа, по приобретению продуктов и имущества для совершения религиозных обрядов и церемоний и тому подобных действий, тесно и непосредственно связанных с учением и обрядностью данного религиозного культа, а также по найму помещений для молитвенных собраний, могут заключаться отдельными гражданами, состоящими членами исполнительных органов религиозных обществ или уполномоченными групп верующих»⁵.

Начиная с 1929 г. основной формой организации верующих являлось религиозное общество или группа, в пользовании которой находится только одно молитвенное здание. Оно могло быть предоставлено в пользование верующим исполкомом горсовета (райсовета) или арендовано верующими.

Вся юридическая, материальная и иная ответственность за соблюдение объединением верующих советского антицерковного законодательства ложилась на конкретных граждан, заключавших договоры с государством от имени религиозного объединения. Именно они фактически должны были расплачиваться за любые «нарушения», совершенные религиозным объединением, что требовало немалого мужества и самоотверженности.

Здание и имущество, необходимое для управления культа, являлось национализированным и передавалось религиозному обществу только на правах пользования в соответствии с договором, заключаемым между религиозным обществом и исполкомом горсовета (райсовета). В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК договор мог быть расторгнут из-за невыполнения обществом верующих обязанностей, касающихся содержания молитвенного здания. Чаще всего именно вопрос содержания помещения являлся камнем преткновения между верующими и органами власти и выступал основной причиной закрытия церкви или молельного дома⁶.

С постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» началась активная кампания по ликвидации церковных общин, отъем храмов у верующих и передача их на нужды государства либо разбор под строительные материалы. Кампания широко проводилась и в Саратовском Поволжье. На территории региона было закрыто огромное количество храмов и других культовых сооружений различных конфессий, значительная часть из них была разрушена. Большевики, уничтожая храмы, преследовали цель уничтожить вещественное напоминание о прошлом. Культовое здание являло собой символ уходящей эпохи и конкурирующей идеологии. Не случайно при переоборудовании храмов здание, теряя свой предыдущий вид, изменялось до неузнаваемости: сносились колокольни, верхние ярусы, снимались купола.

Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК запретил колокольный звон. Кампания по снятию колоко-

лов сопровождалась варварскими методами: при снятии происходила порча здания церкви, лестниц и колоколен. Документы местных архивов свидетельствуют о том, что в качестве основной причины для снятия колоколов людям озвучивалась версия о необходимости металла для обороны страны⁷.

Общества верующих сдавали колокола на нужды государства с формулировками в протоколах: «Учитывая опасность новой войны, несущей угрозу рабочему классу и крестьянству... сдать все колокола и передать их в социалистический сектор...»⁸ или «В будущей войне пролетариат не колоколом, а пушкой будет защищать Советский Союз»⁹. Демонстрируемая в протоколах риторика явно заимствована из большевистских деклараций. Судя по тому, что в протоколах с такими формулировками иногда и очень робко проскальзывают просьбы все же оставить верующим хотя бы один колокол для осуществления церковной службы и разрешить колокольный звон¹⁰, можно заключить, что вся кампания по изъятию колоколов была верующим навязана и проводилась под принуждением. Этот вопрос, как представляется, требует отдельного исследования.

Пример в закрытии церковью подавал краевой центр – Саратов, в котором еще до начала новой антирелигиозной кампании был закрыт ряд церковей, монастырей и молельных домов. Их передавали под школы (из-за нехватки помещений саратовские школы работали в 3 смены), детские дома, культурные учреждения. В освобожденные корпуса бывшего мужского монастыря перевели ряд детских учреждений г. Саратова (дошкольные детские дома № 8 и № 11 и детский дом № 3, с общим количеством воспитанников – 198 человек)¹¹. Маминская церковь была передана под школу в связи с ходатайством родителей за расширение школы¹². Из-за нехватки школьных зданий в Агафоновском и Клиническом поселках под школу была передана Благовещенская церковь¹³. 22 февраля 1929 г. под культурные нужды города были переданы Казанская (старообрядческая) церковь, еврейская синагога, Спасо-Преображенская (единоверческая) церковь, Знаменская часовня и другие культовые здания¹⁴.

Здания церковей необходимы были под школы и культурные нужды, но закрывали их всегда по причине «несоответствия строительным правилам», «неудовлетворительного состояния», «нерациональности поддержания»¹⁵.

Отмеченное выше проиллюстрируем конкретным примером. В 1936 г. в Ртищевский РИК Саратовского края поступила жалоба от председателя и членов Урусовского религиозного общества¹⁶ о том, что к ним приехал техник из РИКа и составил смету на ремонт местной церкви. Сумма, фигурирующая в смете, была явно завышена, деньги техник потребовал незамедлительно, но обещал ремонт сделать скоро. Огромной суммы в двадцать пять тысяч пятьсот три рубля двенадцать

копеек у верующего коллектива, естественно, не оказалось. Верующие просили разрешения у РИКа сделать ремонт церкви постепенно, жаловались на завышенную смету, смета, сделанная ранее, была на существенно меньшую сумму – 18 тысяч, и верующие уже начали частичный ремонт, их остановили наступившие холода.

Верующие объясняли, что церковь не ветхая, не грозит обвалом, там вполне возможно проводить службы, жаловались на техника-спекулянта, с которыми советская власть должна вести борьбу. «Спекулянт» никоим образом не ассоциировался у просителей с советской властью, в которую они верили и на которую надеялись. Из жалобы становится известно, что у верующих уже были заготовлены строительные материалы на ремонт церкви, эти стройматериалы сельсовет у них отнял, они просили вернуть материалы, просили помощи, но...

Ответ РИКа был таков: «Церковь пришла в негодность (требует капитального ремонта)», «верующим в жалобе отказать, договор с верующими расторгнуть»¹⁷. Президиум РИКа решил поставить вопрос перед Президиумом крайисполкома о закрытии церкви и передаче ее под культурные нужды. В таких случаях сначала, как правило, вывешивалось объявление о том, не найдется ли какой-либо другой коллектив верующих, готовый взять на себя обязательства по ремонту церкви, уплате налогов, все те обязательства, которые прописывались в договоре с предыдущим коллективом верующих. Такое объявление висело на видных местах в селе, а через неделю, если не находились желающие взять на себя такие непростые обязательства, судьба церковного здания решалась в пользу переформатирования его в культурно-просветительное учреждение, чаще всего это мог быть дом культуры, изба-читальня, красный уголок и т. п. Именно по такому сценарию произошел отъем церкви у верующих в Урусово.

Однако Ртищевский РИК на этом не остановился. Верующих обвинили в подлоге – якобы подписи в послании РИКу были подделаны, председателя коллектива верующих Сальникова, а также священника-«подстрекателя» Пакровского упрекнули в «дискредитации советской власти» и поставили вопрос о привлечении их к судебной ответственности¹⁸.

Свидетельств спешного закрытия церквей под явно надуманными предлогами, демонстративных проволок с ремонтом, всякого рода других препятствий к сохранению церковных зданий в ведении верующих в архивах отложилось огромное множество. Таким образом закрывалось большинство церквей в Саратовском Поволжье.

Нередко протестующих против закрытия церкви просто разгоняли как скот, и они подчинялись, не решаясь на открытое сопротивление.

Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК получала бесконечные

жалобы от верующих на закрытие церквей без соблюдения «советской законности». Они были написаны по-разному. Встречаются письма, написанные твердо и уверенно: нарушены наши права, нарушены параграфы «Закона о религиозных объединениях», грубо нарушена статья 4 Конституции¹⁹.

Встречаются письма, где верующие демонстрируют свою лояльность советской власти, но требуют соблюдения своих прав: «Мы также твердо знаем, что (есть. – Ж. Я.) великий декрет по отделению церкви от государства, подписанный великим нашим учителем пролетариата тов. Лениным, где указывается, что мы в свободной стране... можем верить или не верить...»²⁰ Несмотря на разный характер жалоб – слезные, твердые и решительные – церкви закрывались, переоборудовались, разбирались на стройматериалы. Политика уничтожения церкви и веры шла по накатанной колее, и останавливать этот процесс советская власть не собиралась.

В качестве примера: закрытие церкви села Еремкино Хвалынского района Саратовской области. Уполномоченные от Еремкинской религиозной общины в заявлении Нижневолжскому краевому исполкому писали, что уже после закрытия церкви в январе 1930 г. ночью в храм зашли председатель сельского совета, милиционер еще другие люди. Они сняли иконы, предметы культа, погрузили все на возы и увезли под вооруженной охраной в г. Хвалыньск. Такое поведение местных властей вызвало протест селян, они собрались вокруг церкви, пытались помешать вывозу церковной утвари. Для разгона толпы милиционеру пришлось произвести несколько предупредительных выстрелов поверх голов верующих²¹. После чего жители покорно разошлись по домам.

Не менее показательная история произошла в 1932 г. при закрытии Михайлово-Архангельской церкви села Малые Озерки Новобурасского района Саратовской области. Жители села написали жалобу в Краевой исполнительный комитет о бесчинствах председателя сельсовета Протасова²². Михайлово-Архангельская церковь была занята под ссыпку зерна без всякого разрешения верующих, при этом церковь серьезно пострадала: был выломан престол, поломаны окна, кругом царило разрушение. Как писали сами селяне, «верующие приходили в церковь из жалости» и просили не уродовать дальше их церковь, готовы были своими силами все восстановить и отремонтировать, но председатель... выгонял их из церкви кнутом²³. Верующие, надеясь на справедливость, писали и писали слезные письма во все инстанции, но очень редко на их письма была какая-либо реакция.

В качестве примера можно привести дело по закрытию Успенской церкви в селе Потьма Ртищевского района Саратовского края. Жители написали жалобы во все инстанции на незаконные действия своего председателя, который «на праздник Вербного 1 апреля 1934 года» вошел в

православный храм без головного убора и «стал силою их храма выгонять верующих, а затем и священника»²⁴. Председателю удалось закрыть церковь, отобрать у верующих ключи, а затем приспособить церковь под склад зерна, при этом лывину долю церковного имущества из церкви ему тоже удалось выкрасть. Когда жалоба дошла до ВЦИК, председателя сельсовета с должности сняли и наказали, но церковь не открыли.

Красноречивой иллюстрацией беспрецедентного произвола местной власти является дело о закрытии православной церкви в селе Селитьба Хвалынского района Вольского округа (1930 г.). Верующие написали жалобу во ВЦИК²⁵. Согласно Постановлению «О религиозных объединениях» обжалование закрытия церкви можно было подавать в течение 15 последующих дней. В жалобе верующие пишут о произволе бывшего председателя сельского совета Макарова, который, по их словам, принуждал угрозами подписаться за закрытие церкви, угрозы председатель «в большинстве случаев приводил в исполнение». Каким образом – остается только догадываться. Макаров за свои бесчинства поплатился, его отправили отбывать наказание в «исправительный дом». По словам верующих, Макаров человек «жестокий и в корне нарушавший советские законы», жители Селитьбы жаловались на то, как им тяжело «быть без службы в храме» и свою «душевную подавленность»²⁶. «Мы, нижеподписавшиеся, просим Ваше Превосходительство, возбудить перед кем следует ходатайство о разрешении службы в нашем местном храме», – писали верующие. По их словам, ключи от церкви у священника выкрал по поручению нового председателя Мудров Федор Кузьмич, все имущество было украдено, церковь начали разбирать на строительные материалы, люди пытались не отдавать кирпичи, но им снова начали грозить, уже новый председатель сельского совета Зяблов и председатель колхоза²⁷. Эта жалоба также осталась без последствий.

Но не всегда для закрытия церковей нужна была только грубая сила. Перед тем как собрать подписи за закрытие храма или молельного дома, «умелые» ораторы рассказывали о полах, наживавшихся веками на простом люде, о вреде «религиозного дурмана», о светлом будущем, в котором все будут равны и счастливы. Антирелигиозная агитация и пропаганда стали составной частью советской политики, и очень часто могли оказать нужное воздействие.

В качестве иллюстрации приведем пример с закрытием церкви в ноябре 1929 г. в селе Елшанка Хвалынского района Вольского округа. В селе провели общее собрание граждан, на котором присутствовало 675 человек²⁸. Это собрание проходило под давлением ячейки ВКП (б) – на трибуну выходили по очереди партийные работники и произносили свои агитационные речи. Говорили о культурном строительстве на селе, построении социализма, которого невозможно добиться без

культуры, а культура нуждается в зданиях, которые занимают религиозные общества. Пламенные речи содержали следующую аргументацию: «долгогривые нам сулят царство свыше, а сами получают на земле»; «в революцию ...попы и их дети своих православных братьев расстреливали». Партийный функционер рассказал страшную историю об отрядах, которые состояли из одних только священнослужителей. Воевали они против Красной армии в Сибири под руководством Колчака²⁹. Другой партиец рассказал случай о том, как священник, осенив себя крестным знаменем, в 1917 г. на его глазах расстрелял красного солдата и сделал вывод: «попы держат в одной руке крест, а в другой револьвер». Как после такой речи не подписать петицию за закрытие церкви! Ведь религия одурманивает, тянет назад в прошлое, где попы наживались на труде простых людей, швырялись деньгами и получали все блага жизни, которые только хотели. Так и произошло в Елшанке.

О том, что не все жители села согласились с закрытием церкви, свидетельствует письмо одного из его жителей «крестьянскому старосте М. И. Калинину», написанное в октябре 1930 г. с просьбой не трогать их церковь. В письме есть такие строки: «Мы, как старики-религиозники, клянемся: быть верными советской власти, но дожить свою жизнь при религиозных обрядах»³⁰. Однако эта уловка не помогла.

Петиции за закрытие церкви или молитвенного здания часто подписывались селянами добровольно, практически без нажима. Так, например, в с. Шклово Ней Вальтерского района³¹ селян сагитировали отказаться от своей церкви, а заодно и от веры, объяснив, что религия – это вред, а здание можно использовать под дом культуры. Селяне подписали петицию в надежде, что теперь у них будет культурно-просветительное учреждение, но вместо этого у них не стало ни церкви, ни дома культуры. Следом приехал председатель РИКа Авдошин, взял подписные листы, разобрал дубовое здание и вывез в район. Из письма уполномоченных от села в редакцию «Крестьянской газеты» узнаем, что «колхозники в недоумении», они «отказывались от веры в церковь, но не от здания»³².

Анализ поведения организаторов закрытия церковей на местах свидетельствует о том, что они достаточно хорошо понимали всю демагогичность советского законодательства и партийных директив, которые, с одной стороны, требовали быстрого устранения церкви из общественной жизни, а с другой – говорили о необходимости соблюдения прав верующих.

Обвинения в мягкотелости по отношению к церкви местные власти боялись больше, чем обвинения в перегибах на местах, по причине того, что эта мягкотелость могла быть расценена как контрреволюционная деятельность, за которую можно было поплатиться гораздо серьезнее. Руководствуясь таким подходом, власти всеми

возможными способами пытались расторгнуть договоры с верующими, после расторжения закрыть церковь, быстро переоборудовав ее под культурные нужды, или разобрать культовое здание на строительные материалы.

Вышестоящие органы власти (центральное и краевое руководство) часто журили нижестоящие (окружные, районные, городские, сельские) за нарушение советской законности в отношении верующих, но происходило это только в том случае, если ВЦИК или краевые органы власти получали жалобу на перегибы на местах, и такие факты получали серьезную огласку, т. е. они могли скомпрометировать центральное руководство страны и края. Если же церковь или молельный дом получалось закрыть без шероховатостей, то, как правило, нарушения не исправлялись, церкви верующим не возвращались.

Описанные выше модели поведения различных звеньев партийно-государственной власти во многом были возможны потому, что не встретили массового и жесткого сопротивления верующих. Как правило, сопротивление было робким, в рамках полной лояльности власти, в форме прошений и жалоб. Немало было случаев, когда изъятие церкви и передача здания под другие нужды происходило с согласия верующих – явного или молчаливого. Такая модель поведения верующих свидетельствовала о том, что для них церковь уже не была непререкаемым нравственным авторитетом. За нее уже не хотелось отдавать свою жизнь и относительное благополучие.

Примечания

- 1 См.: *Сталин И. В.* Сочинения : в 13 т. Т. 11. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. С. 50.
- 2 О мерах по усилению антирелигиозной работы: циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2. См. также: URL: <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения: 25.02.2015).
- 3 О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК

и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: [http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787) (дата обращения: 07.09.2015).

- 4 URL://http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=elchaninov_a&view=print (дата обращения: 06.10.2015).
- 5 О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: [http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=1787) (дата обращения: 07.09.2015).
- 6 См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях».
- 7 См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 678, 679.
- 8 Там же. Л. 679.
- 9 Там же. Л. 678.
- 10 Там же. Л. 666–666 об.
- 11 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1А. Л. 64.
- 12 Там же. Л. 65.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 67.
- 15 Там же. Л. 65, 66, 164 и др.
- 16 См.: ГАНИСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155 А. Л. 149–152 об.
- 17 Там же. Л. 157.
- 18 Там же.
- 19 Конституция РСФСР 1918 г. URL: <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения: 25.02.2015).
- 20 ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 155а, 14.
- 21 Там же. Л. 375.
- 22 Там же. Д. 147. Л. 462.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Д. 155а. Л. 14–14об.
- 25 Там же. Д. 151. Л. 531.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 494–495.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 504.
- 31 В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.12.1937 Ней-Вальтерский (район Саратовской области) переименован в Свердловский.
- 32 ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 147. Л. 629 об.

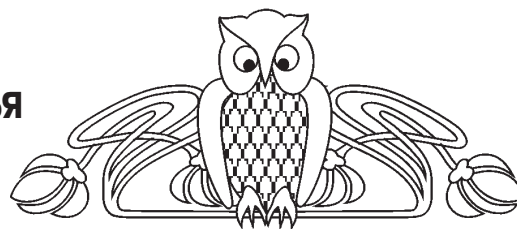
УДК 614 (470.44/47) |1953/1985|

ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР УЧРЕЖДЕНИЙ РОДОВСПОМОЖЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье анализируются изменения повседневных практик учреждений родовспоможения Нижнего Поволжья в период хру-

щевских и брежневских реформ. Работа базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, опубликованных источников, периодической печати.

Ключевые слова: акушер, гинеколог, медикаменты, смертность, женская консультация, роды, родильный дом, рождаемость, фельдшерско-акушерский пункт.